

*Г. И. Чернявский*

**ПРЕВРАТНОСТИ СУДЬБЫ,  
ИЛИ КАК СОВЕТСКИЕ СПЕЦСЛУЖБЫ  
НЕВОЛЬНО ПОМОГЛИ ОДНОЙ КАРЬЕРЕ  
Фрагмент воспоминаний**

Летом 2002 и летом 2004 годов автору этих строк во время поездок за океан довелось дважды побывать в одном тихом и уютном европейском городке, в котором находится международный учебный и научно-исследовательский центр, готовящий в числе прочих задач специалистов-политологов по евроазиатскому региону, а также проводящий аналитическое изучение ситуации в этих странах. Руководителем одного из направлений работы Центра являлся в то время Валерий Александрович Головкин, имя которого хорошо известно старшему поколению сотрудников исторического факультета Харьковского университета по событиям более чем тридцатилетней давности.

Оба раза в течение нескольких дней я был гостем этого обаятельного, не очень молодого уже, но полного сил, весьма бодрого и энергичного человека и его очаровательной супруги Валентины.

Встреча эта, разумеется, не была случайной. Валерий Александрович – мой старый и добрый знакомый, мой ученик в его студенческие университетские годы, мой младший коллега в течение нескольких лет после того, как он окончил университет, и, после перерыва, продолжавшегося почти полтора десятилетия, мой друг и соавтор по книге, посвященной одновременно весьма значительной исторической личности и в связи с ней группе проблем истории внешней политики СССР.

Судьбе этого яркого человека посвящен этот мой краткий рассказ, основанный на личных воспоминаниях и впечатлениях и в значительной мере на рассказах его самого. Так что с точки зрения исторического источниковедения следующие ниже страницы – это отчасти первичные воспоминания, а отчасти воспоминания косвенные (воспоминания о воспоминаниях), то есть пересказ того, что рассказывал мне о себе другой человек, причем в той форме, в какой этот рассказ запечатлелся в моей памяти.

**Советский историк**

В детстве, в юности, в молодые годы жизненные пути Валерия Головкина были подобны перипетиям судьбы миллионов молодых людей, родившихся и выросших при коммунистической власти, прошедших пионеррию и комсомол. Эти люди, формировавшиеся в 60-е–70-е годы, уже не очень верили коммунистическим догмам и тем более престарелым руководителям страны, но в то же время не были настроены активно сопротивляться властям. С полным основанием они стремились, не жертвуя собственными элементарными принципами порядочности, как можно успешнее устроить собственную судьбу в заданных, не лучших обстоятельствах, которые, казалось, надолго укоренились в СССР. Как я смог убедиться в результате многочисленных с ним встреч, бесед, споров, Головкин, безусловно, относился к лучшим из людей этого поколения, которые опирались на собственные силы и знания, на честный труд, а не на связи и взятки.

У Валерия рано определились четко выраженные гуманитарные наклонности, что и привело моего героя на исторический факультет Харьковского университета. Именно тогда мы и встретились. Я читал специальные курсы источниковедения и историографии небольшой группе студентов, избравших в качестве своей узкой профессии новую и новейшую историю зарубежных стран. Головка в течение двух лет был слушателем этих дисциплин.

Я почти сразу же обратил особое внимание на этого вдумчивого, любознательного, трудолюбивого молодого человека, высказывавшего подчас весьма неординарные суждения, разумеется, по конкретным вопросам, не затрагивавшим общую методологию истории. Успешно (с отличием) окончив университет, Валерий Головка был в тот же год принят в аспирантуру и стал готовить кандидатскую диссертацию по истории международного профсоюзного движения. Такого рода темы аспиранты избирали весьма редко. Это было связано с несколькими причинами. Во-первых, весьма скудны и в значительной своей части закрыты были архивные фонды и другие источники, находившиеся на «специальном», то есть секретном, хранении. Во-вторых, подобная тематика была не вполне «добропорядочной» с точки зрения коммунистических догматов (приходилось сталкиваться, в частности, с фактами острой борьбы в рамках мирового коммунистического движения, носившей не только политический, но во многих случаях карьеристский характер, с именами людей, остававшимися в СССР под строжайшим запретом, такими, как Л. Д. Троцкий, К. Б. Радек, Г. Л. Пятаков и многие другие). Наконец, и это было немаловажно уже с чисто прикладной точки зрения, подготовка работы в названной области требовала знания нескольких иностранных языков. Из всего этого вытекала необходимость кропотливого, весьма усидчивого труда и в то же время известного риска, ибо не было полной гарантии, что работу удастся выполнить, хотя и приспособляясь к обстоятельствам, но не жертвуя простой научной добропорядочностью, которой требовал научный руководитель Валерия профессор, доктор исторических наук Степан Иванович Сидельников и от которой он сам не отказался бы ни в коем случае.

И все же существовала высокая степень надежды, что трудности удастся преодолеть, так как у Головка была способность к овладению языками, да и серьезные трудности, связанные с проведением исследования и по существу, и с точки зрения «пробивания» препон его не очень пугали. Видно, в этом был какой-то элемент мальчишеского азарта, но тем большая заслуга Сидельникова, что он этот азарт, с одной стороны, поощрял, а, с другой, стремился ввести его в некие рамки разумного расчета.

Обучение в аспирантуре было, однако, вскоре прервано, но отнюдь не по политическим, а по чисто организационным причинам – кафедре срочно потребовался специалист по новейшей истории Востока, и Валерий Александрович в свои 24 года становится преподавателем кафедры новой и новейшей истории, возглавляемой его научным руководителем. Вероятно, так спокойно и естественно развивалась бы карьера историка: защита кандидатской диссертации, доцентура, скорее всего докторская диссертация и профессура, возможно, еще более высокий подъем по научно-педагогической лестнице, если бы в середине 70-х годов не произошли события, которые круто изменили судьбу молодого преподавателя.

### **Американский родственник**

К этому времени «железный занавес», продолжавший скрывать от внешнего мира то, что происходило в СССР, и зарубежные реалии – от глаз советских граждан, стал по различным причинам понемногу истончаться. Вновь были разрешены браки советских граждан с иностранцами, в свое время запрещенные при Сталине. Началась, вопреки

препонам и издевательствам, эмиграция евреев и немцев из СССР. Сквозь «глушилки» пробивались радиоголоса из дальнего зарубежья. По разным каналам становилось известно о возникновении диссидентского движения и о преследовании «несогласных» как посредством судов и концлагерей, так и через «психушки». Вначале тончайшие ручейки, а затем и чуть более широкие струи хорошо проинструктированных и напуганных, но весьма любопытствующих советских туристов потекли на Запад, а оттуда стали приезжать люди, интересовавшиеся жизнью в СССР, а также разыскивавшие своих родных и близких.

Один из таких неожиданных визитеров – гость из США – неожиданно появился в квартире, где проживал Валерий Головка с женой и новорожденным сыном. Молодая семья, разумеется, не могла иметь отдельного жилья – она жила в квартире отца Валерия, старого члена партии, считавшегося человеком заслуженным. Отец был русским, мать еврейкой. Именно ее и разыскал прибывший из-за океана родственник, человек весьма пожилой и, скромно скажем, довольно богатый, проживший в США большую часть своей жизни, сложившейся очень успешно. В предчувствии приближавшейся неизбежной кончины он решил посетить родные когда-то места и навестить почти полностью забытых близких людей. Назовем его «дедушкой» Валерия, хотя на самом деле кровные связи были намного более запутанными и отдаленными, и сам черт сломил бы ногу, пытаясь дать точное их определение.

Погостив несколько дней в гостеприимной семье, «дедушка» решил посетить также родные могилы в небольшом еврейском местечке, расположенном неподалеку от города Львова. Вместе с ним туда в качестве сопровождающего отправился и Валерий. Дальше областного центра власти, однако, американца не пустили, разумеется, без какого бы то ни было объяснения причин (некие причины на это были, и о них читатель вскоре узнает). Тогда «дедушка» дал своему «внуку» фотоаппарат с поручением привезти ему снимки кладбища, где покоился прах его родителей, ставших жертвами Холокоста, и других близких, чтобы возложить цветы на могилы родных ему людей. Поручение было выполнено, и американский родственник, получив фотографии, благополучно отбыл в теперь уже родные для него Штаты.

### **Спираль закручивается**

На этом вся рассказанная история могла бы окончиться, не внося изменений в судьбу участвовавших в ней лиц. Но произошло совершенно иначе. Через некоторое, очень непродолжительное, время в университете к Головке после его лекции подошел весьма вежливый и ухоженный молодой человек неприметной внешности, который попросил нашего героя подъехать вместе в нем «буквально на несколько минут» в областное управление КГБ «для маленькой справки». В расположенном на углу улиц Совнаркомовской и Дзержинского (ныне Мироносицкая) в хорошо известном здании «конторы глубокого бурения», как называли остряки это ведомство, Головка повели, однако, не в какой-либо кабинет, а к глубочайшему его – даже скорее не страху, а удивлению – прямиком в камеру внутренней тюрьмы.

Только теперь он смутно стал понимать, предполагать, что это весьма странное для 70-х годов событие, вероятно, каким-то образом связано с недавним визитом американца. Но в чем эта связь состояла, догадаться пока было невозможно. В тоске и раздумьях прошли примерно двое суток заключения, после чего «задержанного» молодого преподавателя университета вывели в более приглядное помещение.

Постучав в одну из дверей, на которой, как и на других, не было никаких надписей, конвоир ввел Головку в кабинет, за письменным столом которого сидел некий

спецслужбистский чин, разумеется, в гражданском одеянии. Этот чин поднялся навстречу с вроде бы приветливой улыбкой, представился и объявил, что ему поручено вести следствие по данному делу. На недоуменный вопрос «Какое, собственно говоря, может быть дело? Сейчас ведь не 1937 год!» следователь красноречивым жестом указал Валерию на лежавшие на столе две папки. На каждой из них были должным образом обозначены фамилия, имя и отчество подследственного. На одной, довольно уже увесистой, стояла также какая-то цифра. Вторая папка – без цифры – показалась пустой. «Знаете ли вы, что обозначает эта цифра?» – поинтересовался следователь и, не ожидая ответа, продолжал: «К вашему сведению, это – статья уголовного кодекса нашей родной украинской республики. Если вас интересует, могу сообщить, что она предусматривает различные сроки уголовного наказания за измену родине». Следователь добавил, что в его распоряжении есть уже по этому поводу богатый доказательный материал.

Внимание растерявшегося подследственного тут же было обращено и на вторую папку, действительно, как подтвердил следователь, совершенно пустую. «Выбирайте, – издевательски усмехаясь, продолжал кагебист. – Если вы выберете вторую папку, и мы вместе начнем по ней работать, мы быстро найдем ответы на все интересующие нас вопросы, и я вас сразу же отпущу. Так что все зависит от вас».

Отлично понимая, что за ним не числится никаких существенных «политических преступлений» (анекдоты с критикой советского режима и посвященные перипетиям жизни сановных старцев у власти в 70-е годы были уже почти не в счет!), Головка бодро и гордо заявил, что он хотел бы узнать, на каком основании его пытаются облыжно обвинить в государственной измене, повторив тривиальную уже сентенцию по поводу того, что 1937 год, кажется, безвозвратно канул в лету.

«Что ж, – заявил следователь, – ваше дело. Если вы хотите работать по первому делу, садитесь за мой стол, устраивайтесь поудобнее и читайте». Весьма любезный следователь оставил Валерию сигареты, бутылку воды и зачем-то англо-русский словарь. «Вдруг он понадобится вам», – заявил он загадочным тоном, добавив, что уходит по служебным делам и возвратится примерно через час.

Устроившись «поудобнее», подозреваемый в измене открыл папку. Там было, действительно, немало бумаг. Уже первая из них показывала, что речь явно шла о чем-то довольно серьезном. Это было письмо из КГБ СССР на имя начальника областного управления сего милого ведомства. Московское начальство одновременно с письмом направляло материалы «на Головка Валерия Александровича» с указанием срочно разобратся, наказать и доложить об исполнении.

Перевернув лист, Валерий увидел газету (или фотокопию газеты) на английском языке. Именно для ее использования, как он теперь понял, и был услужливо предложен словарь. Необходимости в нем, однако, не было – основами языка Валерий владел в достаточной мере. Перед глазами лежала одна из ведущих американских газет. Часть текста с иллюстрациями была «для удобства» отчеркнута, и пораженный молодой человек увидел под этой статьей подпись своего «дедушки» из США.

Смысл статьи состоял в том, что в СССР, мол, преследуют не только живых, но и мертвых евреев, и в доказательство приводились воспроизводимые здесь же фотографии запущенного, неухоженного еврейского кладбища, сделанные, как говорилось в статье, «моим близким родственником» Валерием Головка из города Харькова. Видимо, очень трудно было читавшему эти строки в данный момент «подследственному» сдерживать свои гневные эмоции по поводу «дедушки», проявившему ту самую простоту, которая в этом случае, как и во многих, подобных ему, была несомненно хуже

воровства. Головки, разумеется, не задумывался, что у американцев была просто совершенно иная ментальность, и гражданин США просто не мог сообразить, какую пакость подбрасывает своему молодому родственнику.

Но за газетой следовал третий документ – справка министерства обороны СССР, из которой следовало, что недалеко от кладбища, которое фотографировал Валерий, буквально в нескольких километрах, дислоцировалось особое подразделение ракетных войск стратегического назначения (РВСН). Не хотелось бы далеко забежать вперед, но по ходу рассказа, видимо, стоит сразу отметить, что значительно позже Головки выяснил, что в том злополучном месте находился полк РВСН, оснащенный самыми мощными в мире межконтинентальными баллистическими ракетами МБР Р-36М, которые на Западе были известны под довольно зловещей кличкой «СС-18 Сатана».

Этот, в советских условиях действительно убийственный аргумент харьковским чекистам, стремившимся угодить начальству, однако, показался недостаточным, ибо далее следовали многочисленные протоколы допросов преподавателей, сотрудников и студентов университета, многие из которых, явно напуганные спецслужбистами, показали, что преподаватель Головки проводил среди них «антисоветскую пропаганду». В чем же таковая пропаганда состояла? Да в том, что действительно происходило каждый день в курилах предприятий и учреждений и на кухнях малогабаритных советских квартир – рассказанный «антисоветский» анекдот, критическое высказывание о марзматики Брежнев или о каком-либо другом сходном с ним чинуше из партийного ареопага, своя точка зрения на события внутренней и внешнеполитической жизни страны, несколько отличающаяся от требуемой партией и ее репрессивным аппаратом.

Лишь несколько человек из числа допрошенных смогли противостоять мощному давлению и оказались в силах не произнести угодных кагебистам «разоблачительных» инвектив по адресу Головки. Среди них был принципиальный и неподкупный Степан Иванович Сидельников. Я надеюсь, что читатели не сочтут за похвальбу то, что и моя фамилия была названа в числе тех, кто отозвался только положительно. Когда Валерий через много лет рассказал мне об этом, я воскликнул: «Но ведь меня никуда не вызывали и ни о чем не спрашивали!» и тут же вспомнил, как ко мне в кабинет (я тогда заведовал кафедрой всеобщей истории в Институте культуры) как раз в разгар всей этой истории зашел так называемый кагебистский «куратор» и, лицемерно сочувственно упомянув о «неприятностях Головки» (без их конкретизации), поинтересовался, не говорил ли тот мне чего-либо крамольного. Ответ, разумеется, был полностью в пользу Валерия.

Возвратимся, однако, в кабинет управления КГБ. Как и было обещано, следовательно через час туда возвратился. «Ну, что ж, по какому делу будем работать, по первому или второму?» – бодро спросил он. «Давайте по второму, без цифры», – вынужден был произнести Головки, совершенно потрясенный тем, что он увидел в папке. «Правильно, – последовала удовлетворенная реплика. – Вы, наверное, догадываетесь, какой первый вопрос я задал бы вам, если бы вы настаивали на первом деле. Я бы прежде всего спросил: где остальные фотографии?» Следователь намекал, что Головки приписали бы фотографирование стартовых площадок советских стратегических ракет.

Совершенно неожиданно для Головки, даже не пытаясь его завербовать в качестве доносчика, следовательно подписал ему пропуск на выход из мрачного здания, через несколько минут он очутился на оживленной улице Сумской, а еще через недолгое время – в кругу своей взволнованной семьи, которая совершенно не понимала причин столь долгого его отсутствия.

## Спираль распрямляется

Этим дело, однако, далеко еще не завершилось. Через непродолжительное время на имя ректора университета поступило письмо за подписью начальника областного управления КГБ. В нем сообщалось, что преподаватель вверенного ему учебного заведения такой-то занимался деятельностью, «несовместимой с высоким званием работника советской высшей школы», и что ректорат университета должен незамедлительно принять соответствующие меры. Что имелось в виду, было совершенно очевидно.

Естественно, ректор послушно выполнил то, что ему было предписано. В. А. Головки тотчас же был уволен с работы с «волчьим билетом», хотя бы потому, что в его трудовой книжке красовалась теперь запись: согласно Кодексу законов о труде УССР уволен по статье 41.3, которая в любом отделе кадров будет прочитана правильно, – это чуждый советскому обществу человек, которому невозможно доверить никакую работу, и уж тем более связанную с таким ответственным делом, как обучение и воспитание молодого поколения строителей коммунизма.

Валерий Александрович был лишен каких-либо средств существования для себя и своей семьи. Попытки найти работу, если не непосредственно по специальности, то хотя бы в близкой к ней области, одна за другой терпели провал. Секретарь обкома партии по идеологической работе Н. А. Сероштан, фигура весьма мрачная и злобная, созвал совещание ректоров и партторгов вузов города, на котором выставил происшедший инцидент на всеобщее обозрение и призвал к повышенной политической бдительности. «Смотрите, чтобы и у вас не произошло чего-либо подобного», – предостерег он всполошившихся ректоров и партийных секретарей. Некоторые знакомые, даже близкие, стали после этого избегать Валерия, и даже пользование научной библиотекой ему было запрещено.

Настала, видимо, пора сказать, что в то время, когда происходили все эти события, я почти не имел понятия о бедах, свалившихся на моего молодого коллегу. Вскоре после этого я уехал на длительную научную стажировку в Москву, был поглощен своими исследовательскими изысканиями и весьма удивился, когда однажды вечером Валерий позвонил мне в общежитие Московского университета, где я жил. Он сказал, что у него серьезные неприятности, что он сейчас находится в Москве и попросил о встрече. Мы увиделись на следующее утро. Мой собеседник был весьма краток.

Сдерживая свои чувства, он сообщил мне только об основном результате происшедшего – увольнении его с работы по политическим причинам. На его просьбу помочь в трудоустройстве я, при всем к нему сочувствии, был вынужден ответить, что придется подождать моего возвращения в *alma mater*, прежде чем можно будет что-то предпринять. Позже стало ясно, что реально ничем помочь я не был в состоянии, хотя в тот момент и не осознавал этого.

Я не знал тогда, что во время пребывания в Москве Головки побывал в министерстве высшего и среднего специального образования СССР, куда уже поступила информация о происшедшем и откуда он в результате был со скандалом изгнан. Когда же примерно через полтора месяца я возвратился в Харьков, мне сообщили, что Валерий эмигрировал...

Больше ничего я тогда не узнал. Много из того, что было рассказано в этом очерке ранее, и почти все то, что последует сейчас, – это информация, полученная мною через много лет в совершенно новых условиях, о чем еще будет сказано.

Как оказалось, к моменту возвращения Головки в родной город в областное управление КГБ поступили данные, что в минвузе тот «вел себя неподобающим образом», якобы, скандалил, чуть ли ни швырял чернильницу в какого-то чиновника и т. п.

На этот раз, официально вызвав Головку к себе, следователь сообщил, что «его поведением недовольны», что он не извлек уроков из случившегося, не покаялся (?!) и что, если он будет продолжать мешать строить светлое будущее, «они» вынуждены будут его изолировать. Тут же, однако, было сделано совершенно неожиданное предложение. «Мы организуем вам вызов в Израиль, – заявил кагебист. – Уезжайте и не морочьте больше нам голову». К тому же, было добавлено кагебистом, Валерию следует забрать с собой своих родителей, ибо, как цинично сообщило это официальное лицо, «нам нужна их квартира».

Времени на сборы почти не дали, и буквально через несколько дней Головка с женой и ребенком, его родители и сестра, фактически без вещей, но с сопроводительными документами, гарантировавшими быстрое, но с почти пустыми руками, пересечение госграницы, были фактически выдворены из страны.

Из Вены о происшедшем сообщили «дедушке» в США. Тот принял необходимые меры по оказанию помощи, видимо, чувствуя, что на нем лежит немалая доля ответственности за случившееся. В Израиль семья не отправилась, но за рубежом началась новая, совсем не похожая на прожитую в СССР, жизнь.

### Дальнейшая судьба

Первые, неизбежные в совершенно новой среде обитания тяжкие перегрузки, были сравнительно быстро преодолены. Этому способствовал целый комплекс причин. Немалую роль сыграли приличное знание английского языка, да и лингвистические способности вообще, в том числе, между прочим, и знание украинского. Столь же весомыми являлись широкий кругозор историка и политолога, в частности, знание истории и практики международных отношений, умение анализировать нестандартные ситуации, прогнозировать развитие событий. Наконец, важным фактором явились физическая и душевная прочность и выносливость, то, что американцы часто называют *stamina* (запас жизненных сил, высокая стойкость к физическим и моральным испытаниям). Все это было основой того, что «культурный шок», который, безусловно, как и у любого эмигранта, возник, глубокого следа не оставил.

Валерий Александрович Головка прошел быстрый, хотя и весьма нелегкий путь карьерного роста, став уважаемым в своей среде специалистом. Он преподавал в университетах, занимал должности на государственной службе. В конце 80-х годов он получил новое назначение и приступил к работе в том самом учебно-научном центре, в котором он продолжал трудиться в начале нового века. Эта работа была связана с многочисленными поездками в Москву, Киев и другие города находившегося уже в предраспадной стадии Советского Союза. Именно в это время мы встретились вновь.

Как-то в воскресный день у меня дома раздался телефонный звонок. Голоса я не узнал – очень уж давно произошла наша последняя встреча, да и просто невероятно было предположить, что еще одна встреча когда-нибудь окажется возможной. Однако в эйфорическое время, когда, казалось, показная горбачевская перестройка уступила место действительным, подлинно демократическим преобразованиям, сказка поистине могла вдруг обернуться былью. «Это Головка, – раздался голос в трубке. – Может быть, вы меня помните?» Восторгу моему не было предела. Менее чем через час я принимал дорогого гостя, с которым сразу же восстановились теплые, дружеские отношения.

Оказалось, что Валерий Александрович как раз в это время начал заниматься исследовательской работой примерно в той же сфере, которую он когда-то, в молодые годы, избрал областью своих научных интересов. Теперь узким направлением аналитической работы становилась история внешней политики СССР, в частности, в 20-е

годы. Наши интересы оказались очень близкими, а дружеские отношения, к общему удовлетворению, очень скоро переросли в творческое сотрудничество. Совместно со своим коллегой и другом Михаилом Георгиевичем Станчевым я тогда занимался изучением жизни и деятельности Христиана Раковского – болгарского и румынского социалиста, а позже советского государственного деятеля и дипломата, который стал одним из руководителей антисталинской оппозиции в ВКП(б) во второй половине 20-х годов и пал жертвой «большого террора». Мы договорились о подготовке совместной книги, посвященной внешнеполитической деятельности Раковского – его зарубежным миссиям и работе в качестве полномочного представителя СССР в Великобритании и Франции. Книга «Между Москвой и Западом: Дипломатическая деятельность Х. Г. Раковского» вышла в свет в 1994 году.

На протяжении последних почти пятнадцати лет мои контакты с Валерием Александровичем остаются постоянными и плодотворными, по крайней мере для меня. Его рассказы о том, что происходило после визита в СССР американского «дедушки», сдобренные живыми интонациями и юмором, и легли в основу этого мемуарного очерка.

Когда я не так давно сказал Валерию, что собираюсь написать о нем статью в серии «Политические драмы и трагедии века минувшего», он вначале отнесся к этому намерению не очень одобрительно, добавив: «Какие уж тут драмы или тем более трагедии, в случае со мной был политический фарс».

Эти слова показались мне не вполне справедливыми – драма одного человека и его семьи, какой бы нелепой она ни выглядела в общеполитическом контексте, в полной мере вписывалась в общий характер драматического противостояния коммунистической власти в СССР и западного демократического мира, свидетельствовала, каким преступным было обращение коммунистических властей с судьбами отдельных людей, даже с теми, которые в общем-то были лояльными по отношению к существовавшему строю. При этом отнюдь не смехотворными были те страдания, которые в разной степени суждено было пережить этим людям, попавшим под колеса государственной карательной политики. Так что в данном случае трагедия, по моему убеждению, в фарс отнюдь не превращалась.

Могли ли советские кагебисты тогда, в 70-е годы, предположить, что своими насильственными действиями они, сами отнюдь не желая того, преследуя прямо противоположные цели, фактически создавали благоприятные предпосылки для блестящего развития за рубежом творческих способностей той личности, которую они стремились максимально унижить и причинить ей как можно больше вреда? Безусловно, на такую мыслительную операцию они никак не были способны.

Сам же Головко гордится не столько своими достижениями в работе, сколько тем, что сумел воспитать двух своих сыновей и помог им с образованием: младший – ныне начинающий врач, старший сын – уже главный врач поликлиники.

Широко известна поговорка по поводу того, что добрыми намерениями вымощена дорога в ад. Приходится признать, что в некоторых, к сожалению немногих, случаях происходит и нечто совершенно противоположное – злые намерения ведут к положительному результату для объекта враждебной и несправедливой атаки.

Иначе говоря, эту поговорку можно переиначить, придав ей прямо противоположный смысл – иногда, правда, очень редко, бывает и так, что дурными намерениями оказывается вымощена дорога в рай... В полной мере это относится к истории нашего героя. «Судьба, как ракета, летит по параболе – обычно во мраке и реже по радуге», – писал когда-то Андрей Вознесенский. Именно таковой и является судьба Валерия Александровича Головко.